

Борис ГУЩИН

г. Петрозаводск

В самом конце августа 1968 г. на острове Кижы состоялось одно из редких в то время общих музейных собраний. Состоялось оно уже после 18 часов, времени, когда на остров приходил последний рейсовый «Метеор», который оставался в Кижях, потом шёл дальше до Великой Губы, а ровно через час снова причаливал к Кижскому причалу и отправлялся на Петрозаводск. Музей в это время считался закрытым, и часть людей, прибывших на этом «Метеоре», наши сторожа, контролёры, смотрители и т. д. дальше жердевой изгороди не пускали.

Собрание наше проходило в зале административного здания с огромными окнами. И вот что мы увидели в эти окна. На пригорке наша сторожиха отшивает парочку – высокого, стройного, относительно молодого человека и симпатичную плотненькую молодую женщину. Собрание зашушукалось: «Евтушенко. Евтушенко», «Да какой там Евтушенко; начальство обязательно предупредило бы о его приезде. Нет – это не Евтушенко».

За окном молодой человек начал что-то писать на открытке. Окончив писать, он передал открыт-

ку сторожихе, и парочка удалилась в сторону ресторана-поплавка. Сторожиха зашла к нам, собравшимся, и передала открытку замдиректора по научной части Николаю Александровичу Гринину; тот, прочитав её, передал мне. Вот текст этой открытки:

«Уважаемый Николай Александрович, ждал, но не дождался Вас ввиду собрания. Очень прошу выписать мне отношение для посещения других островов, а также, если возможно, предоставить возможность детально поговорить с каким-либо человеком, наиболее хорошо знающим историю Кижей, т.к. я приеду с женой опять завтра вторым рейсом «Метеора», ибо потрясен тем, что увидел. С приветом, поэт Евгений Евтушенко.

р.с. Если бы была возможность помочь с транспортом по другим островам, премного был бы благодарен. Е.Е.».

А я до сих пор благодарен судьбе в лице Николая Александровича, что оказался именно тем «каким-либо человеком, наиболее хорошо знающим историю Кижей». Евгений Евтушенко у нас, тогдашних молодых, был одним из любимых поэтов. Так что я был переполнен счастьем.

На следующий день я встретил Евгения Александровича на входе в музей у жердевой изгороди. Мы познакомились. Он представил мне свою жену Галю, и мы пошли в сторону храмов. Сразу же на ходу я начал рассказывать об истории Кижей. Евгений Александрович на пути к церкви не проронил ни слова и был, как мне тогда показалось, мрачен и печален. Несколько оживляла наше па-де-труа Галя, с которой мы перекинулись парой реплик. В тот момент я не очень-то задумывался о печали поэта. Понял позже. Уже после расставания с ним, не зная никаких подробностей, почувствовал, что что-то произошло и, возможно, что вот-вот, с кумиром советской молодёжи.

А произошло вот что.

21 августа 1968 г. Советский Союз ввёл свои войска в Чехословакию, что ознаменовало конец Пражской весны. Да и оттепели тоже. Мне казалось и кажется до сих пор, что подлинный социализм тогда уже чуть было не построили чехи и словаки. И если бы их тогда не задавили, то мы жили бы сейчас при истинном социализме. Неслучайно руководство США сказало тогда нашим правителям: «Делайте с чехами всё что угодно, мы вмешиваться не будем».

Евтушенко, будучи в Крыму, написал своё пронзительно-трагическое стихотворение:

*Танки идут по Праге,
Танки идут по праху.
Где вы, мои гиганты,
Прежние лейтенанты?*

О том, как это было, написал Василий Аксёнов в своём романе о шестидесятниках «Таинственная страсть» (М., 2009, стр. 352-357). Евгений Евтушенко фигурирует в романе как Ян Тушинский. (Не забывайте, что я привожу отрывок из романа, а не исторического документа.)

«Он посылает две телеграммы... Телеграмма была Брежневу Леониду Ильичу, и в ней Тушинский возражал против помощи Чехословакии! (В советской прессе ввод войск в Чехословакию подавался как братская помощь чехословацкому народу. – Б.Г.)

А вторая-то ещё пуще, аналогичная, товарищу Андропову, т.е. по-поэтически «...людям, чьи фамилии мы не знаем».

Света отодвинула счёты и подняла на клиента глаза: «Простите, товарищ Тушинский, но я не могу принять таких телеграмм.

– Это почему же, моя милая? – удивился поэт...

– Ну просто, ну просто... мы таких телеграмм никогда не принимали, товарищ Тушинский.

Он стал её убеждать, что ей не грозит ни малейшая опасность.

– Как вас зовут? Света?

– Ах, товарищ Тушинский, ведь меня за такие телеграммы наверняка с работы снимут, а то ещё что похуже проделают. Ну я не могу, не могу...

– Ну хорошо, я их отправлю. Будь что будет. Отправлю, вот и всё!

...Между прочим, со Светой получилось именно так, как она и предсказывала. Её выгнали с работы и даже допрашивали в КГБ. Поэт её, однако, не забыл: он добился её реабилитации и восстановления в должности...

С удивительной чёткостью спецналичные доставили поэта из Крыма на подмосковный аэродром Липки, а оттуда к одному из адресатов его телеграмм.

Этот адресат в больших чехословацких очках ждал его в своём кабинете... Поэту было предложено кресло и стакан чаю с лимоном. Адресат спросил, не желает ли поэт чего-нибудь покрепче. Поэт, с удивившей его самого непринуждённостью, сказал, что коньячку бы не помешало. Адресат взял со стола листок бумаги и похвалил стихотворение «Танки идут по Праге»: *«Очень интересные рифмы. Большая искренность. В другие времена, Ян Александрович, вас бы расстреляли за измену Родине. Но сейчас не те времена. Есть огромная разница между нашими временами и другими. Мы с товарищами посоветовались и решили направить вас в Соединённые Штаты Америки. Предлагаем вам там полную свободу действий. Выступайте где хотите и читайте что угодно. Кроме всего этого, мы были бы вам признательны, если бы вы передали одному из представителей администрации – вот тут на бумажке его имя – благодарность за невмешательство».*

Перед отъездом в США опечаленный поэт и приехал в Кижю.

Мы шли под мой рассказ об истории Кижского погоста. На пути нам встретилась моя жена Виола с двухлетней дочкой Юлей. Мы на минутку остановились для знакомства. Евгений Александрович поцеловал Юлину крохотную ручку, чему мы с женой искренне удивились.

Степенно, не спеша мы посетили храмы: у гостей обратный билет был на последний «Метеор». Посидели в горнице дома Ошевнева, откуда нас чуть не выгнал Виктор Иванович Пулькин, заведомо, будущий карельский писатель. Просто вход в горницу был загорожен верёвочкой; мы ту-

да вошли с разрешения смотрительницы тёти Зины. Виктор Иванович прямо ворвался в горницу, хотел, естественно, накричать на нас, но, вероятно узнав Евгения Александровича, стушевался и тут же ретировался.

Мой рассказ время от времени переходил в диалог. Вспоминая посетителей Кижей, я упомянул, что прошлым летом мы ходили по музею с директором Национальной галереи Франции мсье Жарду, который позже прислал мне в подарок две монографии швейцарского издательства «Скира» о Кандинском и Клее.

Оказалось, что Евтушенко любит и собирает скировские издания. А когда я в рассказе слегка коснулся крестьянской живописи и зачем-то упомянул украинскую художницу-примитивистку Марию Примаченко, Евгений Александрович похвастал, что у него есть подлинный Пиросмани: «Приезжайте. Посмотрите. Вот мой телефон: АД1-72-33». (Не знаю уж почему, но мы так никогда и не воспользовались гостеприимством поэта, о чём можно только сожалеть.)

Я же пригласил Евгения Александровича к нам домой после нашей прогулки.

К церкви Воскрешения Лазаря мы шли уже, беседуя в основном с Галей; Евгений Александрович, как мне показалось, опять замкнулся на долгое время.

Вскоре нас догнал Николай Александрович и сказал, что мы можем ехать по часовням. Быстроходный музейный катер на подводных крыльях «Кижь» ждёт нас. Мотористом с нами пойдёт Валерий Якшин.

Поездка была великолепной, в полном смысле с ветерком. И всё было бы ничего... Но у самых Подъельников, где под древними елями стоит крохотное чудо, заглох мотор. Запасных вёсел у нас не было. Понадеялись на новомодную технику. Валера начал возиться с мотором, а мы ждать. Ждали долго. И берег вот он, совсем рядом – метров 10-12. Не помню, кому уж из нас стукнула идея: раздеться до трусов и подогнать катер к берегу. Мы с Евгением Александровичем разделись и прыгнули в холодную воду. Дотолкали. Катер пристал к берегу, а мы пошли в кусты выжимать трусы. Присели. И оказалось, что мы попали в крапиву. Евгений Александрович расхохотался и сказал:

– Всё! Приедем, зайдём в ресторан. Я вчера видел там пуэрториканский ром. Берём пару бутылок, что-нибудь из закуски и идём к вам с Виолой.

Эту же мысль он высказал Гале, которая ответила ему с явным неодобрением:

– Женя, ты же не пьёшь.

– После того, что случилось, нельзя не выпить.

Пока мы ходили к часовне, Валера, к счастью, наладил мотор, и мы, как молния, оказались у ресторана.

С двумя бутылками действительно пуэрториканского рома и какой-то закуской мы пришли к нам домой. По пути встретили нашего экскурсовода Колю Кутькова; с разрешения Евгения Александровича я пригласил его к нам и тихонько шепнул ему:

– Скажи ребятам и девчонкам, что у нас дома Евтушенко.

Когда мы пришли, дома никого не было. Виола с Юлей, оказывается, ушли закрывать памятники. Она сегодня была дежурной по музею, а больше «Метеоров» сегодня, кроме последнего, не намечалось, так что всё можно закрыть. Я поставил чайник на керогаз. Евгений Александрович сказал:

– Подождём Виолу, – и стал рассматривать рисунки на нашей печке.

В прошлом году в нашей комнате жили московские реставраторы во главе с мощного сложения Савелием Ямщиковым. Москвичи оставили о себе своеобразную зримую память. На печке в двух декоративных прямоугольных проёмах красовалась своеобразная, далеко не традиционная живопись. Слева был изображён медвежонок по имени Биша. Сидел Биша в гранёном стакане. Справа же были заповеди для этого самого Биши:

«Возлюби Бишу как самого себя.

Бойся падения метеоритов, Биша.

Бойся первого порыва, Биша, ибо он благороден».

Глядя на Бишу, Евгений Александрович как-то печально улыбнулся.

На мой взгляд, поэт Евтушенко если чего-то и боялся, то уж точно не первого порыва. Мы сели за стол. Пришёл Коля с гитарой, Саша Фролов, Толя Лопуха. Одна за одной подходили девчонки-экскурсоводы. Комната постепенно наполнилась под завязку. Из начальства, даже среднего, никто не появился. Как же, ведь из обкома КПСС их никто не предупреждал о приезде Евтушенко. А что если у него опять неприятности с властями. Как в воду глядели. Пришла Виола.

Мы всей компанией попросили Евгения Александровича почитать новые стихи. Совсем недавно он ездил по северным морям и рекам далеко не в комфортных условиях и уже успел опубликовать ряд стихов, навеянных этим даль-

ним плаванием. Он по моей просьбе начал с «Баллады о стерве»:

*Она была первой,
первой,
первой
Крелей в архангельских кабаках.
Она была стервой,
стервой,
стервой
С лаком серебряным на коготках.
Что она думала,
дура,
дура,
Кто был действительно ею любим?
Туфли из Гавра,
бюстгальтер из Дувра
и комбинация с Филиппин.
Когда она павой,
павой,
павой
С рыжим норвежцем шла в ресторан,
Муж её падал,
падал,
падал
На вертолётё своём в океан.*

Он читал, как всегда, с большой эмоциональной силой, а я сидел и думал, как жаль, что только что купленная книжка «Братская ГЭС» осталась в городе: вот сейчас и подписал бы.

Выпили рома. Закусили. Коля взял гитару и запел:

*Ночной Гаваной прохаживаюсь.
Часы новогодние ёкают.
Тюльпаны, всю прихорашиваясь,
Стараются выглядеть ёлками.*

Галя спрашивает:

– Что это Коля поёт, чьи стихи, Женя?
– Мои. Плохие стихи.

Коля отпел. И снова пошли стихи из северного морского цикла:

*Нас на шхуне двадцать восемь душ.
Мы на двадцать восемь делим куш,
А добычи нету – держим шик
И на двадцать восемь делим пшик.
Только между нами, кореша,
Есть одна особая душа.
Рассказал нам знающий еврей:
Парень был в охране лагерей.*

Чтобы дать Евгению Александровичу передохнуть, Коля снова заперевирал струны:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

Кажется, Евгению Александровичу этот жираф особо понравился. Ещё бы! Коля пел на стихи тогда запрещённого и ещё не издаваемого Николая Гумилёва.

За ромом народ ещё не раз бегал в ресторан. Очень уж много нас было, а Евгений Александрович читал и читал. Могу точно сказать, что он не пил до того, как мы все поднялись и собрались провожать его и Галю. Вот тут он провозгласил тост и выпил:

– За Кизи, которые, как и поэзия Пушкина, без единого гвоздя.

На прощание мы все запели:

*Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза.
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса.*

(Коля занимался творчеством Павла Когана, автора «Бригантины».)

Все мы, пившие в тот день пуэрториканский ром, вспоминаем его с ностальгической теплотой в душе и теле. Кстати, после этого я ни разу не видел этого рома в советских гастрономах и постсоветских супермаркетах.

* * *

Зимой 1968–1969 гг. я весьма неожиданно встретился с тенью Евтушенко, т.е... «фотографией на белой стене», и не только с фотографией, но даже с живописью.

Моя приятельница Кира, которую я знал буквально с её дня рождения (наши семьи дружили ещё с военных лет), вышла замуж за студента ГИТИСа Андрюшу Моргунова. Мама Андрюши, Наталья Александровна, была завлитом Центрального детского театра, а папой был Борис Григорьевич Моргунов, чтец, заслуженный артист РСФСР, одна из программ которого полностью состояла из стихов Евтушенко. Наталья

Александровна помогала мужу создавать эту программу. Так что Евгений Александрович был вхож в дом Моргуновых. Семья Моргуновых видела в стенах своей старинной квартиры на Троицкой Анатолия Эфроса, Петра Фоменко, Илью Рутберга, художника Юрия Васильева, Виктора Розова, Михаила Анчарова, Романа Сефа, Беллу Ахмадулину, Булата Окуджаву и, конечно же, Евгения Евтушенко.

Бывая в Москве, мы всегда пользовались гостеприимством семьи Моргуновых. С Натальей Александровной мы познакомились уже после ухода из семьи Бориса Григорьевича. Мы спали в комнате, со стены которой смотрели на нас Фидель Кастро и Евгений Евтушенко. Подпись под фотографией гласила: «Дорогому Борису, Наташе, Андреюше – семье революционеров. Фото двух революционеров – Фиделя и другого – не очень плохо, кажется, поэта. И революционера».

А в столовой висела живописная работа Юрия Васильева «Человек и арбуз». Человек уронил арбуз, который раскололся, обнажив сочную красную мякоть с чёрными семечками. Кажется, что он разбил самое дорогое, что было в его жизни. И это дорогое заключалось именно в разбитом арбузе. Человек этот напоминал мне Евгения Евтушенко. Может быть, даже только мне. (Юрий Васильевич Васильев, художник, скульптор, сценограф. Ему посвящены стихи Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко, Б. Окуджавы. Ю. Васильев создал сценографию спектаклей Театра на Таганке «Павшие и живые», «Пугачёв», «Мастер и Маргарита», снял посмертную маску В. Высоцкого. Васильев-человек был ярчайшим «шестидесятником».)

Наталья Александровна умерла рано, в 1972 году. Ей было всего 50 лет. Андрей издал книгу очень личных, ироничных, часто трагически звучащих стихов мамы. (Издано посмертно. М., 1990.) Свои стихи при жизни Наталья Александровна ни разу не публиковала, читала очень редко, только своим. Сборник начинался стихотворением Евгения Евтушенко «Воздух»:

*Прощай, Наташа Моргунова!
Ты, руки мертвые сцепя,
Простить, наверно, мир готова
За то, что мучил он тебя.
Как мучит, впрочем, сам себя.*

Стихотворение это впервые было опубликовано в журнале «Новый мир», № 4, 1973 г.

* * *

Научные сотрудники музея «Кижы» в зимнее время жили и работали в Петрозаводске, а на остров выезжали на дежурство по 10 дней. В январе 1974 г., приехав в аэропорт «Пески», я купил газету с телевизионной программой, в которой прочитал, что через пару дней в Колонном зале Дома Союзов состоится творческий вечер Евгения Евтушенко, который будет транслироваться по телевидению.

На острове я договорился со смотрительницей тётёй Зиной, что в этот вечер я приду к ней на телевизор, чтобы смотреть Евтушенко.

Вечер выдался метельным. До деревни Ямка, где жила тётя Зина, надо было идти километра два. Я пришёл с заиндевевшими бородой и усами.

– Вот и Дед Мороз явился, – засмеялись тётя Зина и её муж Борис Павлович Площадной, который лежал на печке. Я понял, что моя мечта залезть на печку рухнула. Тётя Зина поставила самовар, выставила на стол блюдо с ватрушками и маленькую. Мы стали ждать передачу. Борис Павлович, деревенский остроумец, вспомнил, что и он в молодости баловался стихоплётством:

*Мать Площадного пришла:
«Где мой сыночек мается?»
А сыночек вечером
Пьяненький болтается.*

Ждали-ждали, но так и не дождались. Я пошёл к себе несолоно хлебавши. В интеллектуальном смысле, разумеется. По радио даже не сказали, почему отменили вечер.

Ночью стал ловить «Би-Би-Си». Стишок помните?

*Была забава на Руси
Ночами слушать Би-Би-Си.*

Вот Би-Би-Си в лице (точнее, в голосе) Анатолия Максимовича Гольдберга всё и объяснило. Оказывается, Евгений Александрович написал письмо Л.И. Брежневу, в котором сказал, что высылка из страны А.И. Солженицына – слишком тяжёлое наказание для русского писателя. Всё стало на свои места. Объяснений больше не понадобилось.

* * *

А мы с женой бывали на нескольких творческих вечерах поэта, которые он блестяще кончал «Казню Стеньки Разина» из «Братской ГЭС». Чтение отрывков из поэмы, в том числе и этого, запомнилось на всю жизнь. После этих вечеров очень хотелось подойти к поэту и поблагодарить его, но мы этого не делали.

* * *

Предыстория следующего появления Евгения Александровича в Кижях такова. В июле 1986 г. друг Евтушенко ещё по литинституту карельский поэт Марат Тарасов пригласил его поклониться праху великой народной поэтессы Ирины Федосовой. Незадолго до этого на могиле плакальщицы стараниями многих людей, в том числе и Марата Тарасова (прежде всего), был поставлен памятник. Могила И. Федосовой находится на её родине в деревне Юсова Гора в Заонежье.

Ещё один поэт, он же редактор Карельского радио, Эрик Тулин, организовал поездку на яхтах. На одной из них шёл Евтушенко, на другой Тарасов с Тулиным. Поклонившись праху, паломники на обратном пути решили остановиться в Кижях. Из-за плохой погоды яхта с двумя поэтами села на мель, вторая же благополучно и вовремя пришла в Кижы. В то время на острове проводилось множество всяких праздников: фольклорный детский, ремёсел, «Онежская лира» и т.д.

5 июля 1986 г. Евгений Евтушенко попал именно на один из таких праздников. Долго упрашивать поэта не пришлось. Он с радостью согласился прочесть что-нибудь из нового. К тому же у Евгения Александровича в это время был период увлечения фотографией. Фотографии, сделанные Евтушенко, могли бы украсить любую выставку. И действительно украшали. Все участники праздника собрались на поляне возле Кижского ансамбля, образовался круг, и внутри этого круга поэт, кружа, читал одно из своих последних стихов, трагический «Плач по брату». Выбор стихотворения, возможно, был навеян посещением могилы великой плакальщицы.

*Сизый мой брат,
мы клевались полжизни,
Братства, и крыльев, и душ не цена.*

*Разве нельзя было нам положиться:
мне – на тебя,
а тебе – на меня?
Сизый мой брат,
я прошу хоть дробины,
Зависть мою запоздало кляня,
Но в наказание мне люди убили
первым – тебя,
а могли бы – меня.*

Евгений Александрович читал и ещё что-то, но в память врезались эти два брата-гуся.

Наш 12-летний сын Рома преподнёс поэту маленькую корзиночку земляники и букет ромашек.

Евтушенко в этот день очень много снимал, используя самые необычные ракурсы. Так, например, хористок Вепсского народного хора из Шёлтозера он снял резко снизу. Позже этот снимок осудили в нашей карельской прессе: нельзя, мол, так снимать – хористки получились какие-то беззубые. Так ведь многие из них такими и были.

С праздника мы пошли в дом Сергеева на выставку «Фольклор Заонежья». Там Евгений Александрович услышал настоящую Ирину Федосову, запись 1896 г., сделанную на фонографе (Духовный стих о Голубиной книге). Не раз потом в своих стихах поэт вспоминает великую вопленицу. Мне сейчас вспомнились «Возмутители» и «Плач по плакальщицам».

На выставке один из стендов был заполнен заонежскими частушками. Евгению Александровичу больше всего понравился такой текст:

*Не спеши, милый, жениться,
Походи по улице.
Ещё перина не готова:
Пёрышки на курице.*

На сей раз я заранее знал о приезде поэта, привёз из города пару его книг, на которых он написал: «5 июля 1986 г. Дорогим Боре и Виоле от всего сердца. Евг. Евтушенко» и «Дорогим Виоле и Боре со старой кижской дружбой. Евг. Евтушенко. 5 июля 1986 г.».

* * *

После этого дня поэт не раз бывал в Петрозаводске, городе, где он нашёл своё счастье – Машу, которая стала его женой. Мы были на нескольких творческих вечерах поэта. Всегда залы были переполнены. А когда Евгений Александрович

вич читал в летнем театре городского парка, казалось, весь город идёт на встречу с поэтом. На одну из встреч с Евтушенко, которая состоялась в Петрозаводском университете, мы не попали: пришли поздно, зал был забит студентами. 20 июня 2016 г. встреча проходила в Национальном театре. Яблоку было негде упасть. Спасибо Маше. Она сама рассаживала своих многочисленных петрозаводских друзей и знакомых.

Как это здорово! Поэзия Евгения Евтушенко любима молодёжью уже нескольких поколений.

*И демагогам не в угоду
Я каждый день бросаюсь в бой
И умираю за свободу –
Свободу быть самим собой.*

Между этими строками заключено всё творчество Евгения Евтушенко, нашего ярчайшего и талантливейшего современника, поэта, гражданина и просто человека.

* * *

Из всех сборников Евгения Евтушенко я больше всего люблю книгу «Поэт в России больше, чем поэт». Книга открывается строками из моей любимой «Братской ГЭС»:

*Поэт в России больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
Лишь тем, в ком бродит
гордый дух гражданства,
Кому уют нет, покоя нет.
Поэт в ней – образ века своего
И будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
Итог всему, что было до него.*

Кончается книга поэтическим послесловием «Россия, я тебя люблю»:

Борис Александрович ГУЩИН

(род. в 1941 г.).

*Долгое время работал старшим научным сотрудником
Государственного историко-архитектурного
и этнографического музея-заповедника «Кижь».*

*Историк, этнограф, писатель, театральный критик,
член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.*

*Автор книг «Не только о Кижях. (Картинки прошлого,
повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),*

«Тысяча вторая ночь» (2011 г.),

*«Любите ли вы театр?.. А цирк?..» (повести, рассказы,
воспоминания, пьеса, отзывы на спектакли) (2015 г.).*

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живёт и работает в Петрозаводске.

